

*Дорогой Хелен,
с огромной любовью*

Этим утром вода в Риче на удивление тихая, бледно-голубое небо располосовано розоватыми, с перламутровым отливом облачками, море на отмели немного рябит под легким бризом, и поэтому собачий лай кажется чередой ружейных залпов. Вспугнутые чайки с воплями кружат над водой.

Зуйки и крачки вспархивают при приближении пса; тот, совершенно счастливый, мчится к реке, буксует в дюнах, щетинящихся острой травой, вырывается на прибрежную полосу, бурю от водорослей. Здесь морские горько-соленые воды встречаются с пресными водами Рича. В отдалении, подобно часовому, замерла, словно нарисованная тушью на прохладном утреннем небосклоне, приливная водяная мельница — единственный рукотворный объект в окрестностях, медленно и неумолимо поглощаемый морем.

— Боб!

8 Восторженный лай прерван женским голосом. Женщина, тяжело дыша, пытается поспеть за собакой и кричит на бегу:

— Боб! Ах ты, зверюга! Фу! Фу, я сказала! Что ты опять выкопал?

Пес между тем силится вытянуть из сырой глинистой почвы нечто, им обнаруженное.

— Ну получишь ты у меня! Фу! Фу! Что там еще? Надеюсь, не очередная дохлая овца?

Собака делает последний героический рывок, по инерции почти опрокидывается, бежит, взбирается на дюну и с победным видом кладет находку к ногам хозяйки. Женщина застывает в ужасе. Собачьи бока ходят ходуном, высунутый язык розовый и мокрый. Безмолвие, подобно приливу, наступает на дюны, воцаряясь в утреннем мире.

Правило первое: лги

Едва слышное жужжание, уведомляющее о сообщении, не тревожит спящего Оуэна. Оно не потревожило бы и меня, если бы я спала. Но я бодрствовала. Я лежала, уставившись в темноту, придерживая младенца у груди. Моя дочь уже насытилась, но медлила выпустить сосок. Она дремала и посапывала. Несколько секунд я раздумывала, кто бы это мог среди ночи прислать сообщение. Все мои друзья спят... разве что Милли уже встала и собирается на работу... Все равно не вижу повода для сообщения. Правда, я обещала забрать Ноя, если родители Милли не успеют приехать из Девона до того, как она уйдет на работу. Неужели все-таки Милли? До телефона не дотянуться; я колеблюсь, наконец пальцем раскрываю маленькие цепкие челюсти, переворачиваю на спинку дитя — налитое теплым молоком, закатывающее сонные глазки, словно под молочным кайфом. Мгновение смотрю в маленькое личико, касаюсь гладкого,

10 упругого тельца. Под моей ладонью, за птичьими ребрышками, сердечко постукивает все ровнее, все размереннее. Только теперь я беру телефон. Мое сердце начинает биться чуть чаще, эхом отзываясь на удары крохотного сердечка.

Глядя на экран, говорю себе: не глупи, Милли еще месяц носить, наверняка это спам, очередное «А вы уже потребовали возврата страховых взносов?».

Ввожу пин-код, телефон разблокирован. Сообщение не от Милли. В нем всего три слова:

Вы мне нужны.

Часы показывают половину четвертого. Сна ни в одном глазу, мои ступни холодит кафельная плитка кухонного пола, я грызу ногти и пытаюсь справиться с желанием закурить. Десять лет я не брала в руки сигареты, но, когда мне страшно или тревожно, мысль о никотине вытесняет прочие мысли и потребности.

Вы мне нужны.

Незачем спрашивать, что это значит и кто это написал, хотя на экране только номер, без имени.

Это написала Кейт.

Кейт Эйтагон.

Достаточно произнести ее имя — и она передо мной во плоти. Запах мыла, оливковая кожа, россыпь веснушек — будто молотую корицу распылили по переносице. Кейт. Фатима. Тея. И я сама.

Закрываю глаза и вижу всех; мобиль- 11
ник, теплый после моих рук, болтается
в кармане, ожидая новых сообщений.

Фатима сейчас спит рядом с Али, защищен-
ная его гибким телом. Ей сообщение придет
примерно в шесть — в это время Фатима про-
сыпается, чтобы приготовить завтрак Надии
и Самиру и собрать их в школу.

Насчет Теи сказать сложнее. Если сегодня
ее смена, она сейчас в казино, где сотрудникам
нельзя пользоваться телефонами. Мобильники
заперты в шкафчиках для одежды. Когда за-
канчивается смена? Часов в восемь, не раньше.
Тея, как правило, задерживается — у них заве-
дено выпивать после смены. Ответ придет бли-
же к девяти от Теи, взбудораженной алкоголем,
чаевыми, понтерами, рябью цифр на фишках,
вычислением шулеров и профессиональных
игроков.

Наконец, Кейт. Кейт уж точно не спит — это
ведь она прислала сообщение. Наверняка она
сейчас за отцовским рабочим столом — теперь
это ее стол. Он стоит у окна, откуда виден Рич.
На глазах у Кейт вода приобретает бледно-серый
предраассветный оттенок, все четче становятся
отражения облаков и мельницы. Пальцы, как
всегда, мнут сигарету. Взгляд устремлен на воды
в устье реки — бурлящие, то наступающие, то
отступающие. Картинка не меняется годами —
и в то же время меняется каждое мгновение, со-
всем как сама Кейт.

Ее длинные волосы убраны за уши, тонкое
лицо полностью открыто, в том числе и гусиные

12 лапки в уголках глаз — неизбежный отпечаток всей жизни, всех тридцати двух лет, проведенных на морском ветру. Пальцы в пятнах масляной краски, забравшейся глубоко под ногти. А глаза — глаза у нее сейчас самого темного грифельно-синего тона и так глубоки, что дна не разглядеть. Кейт ждет, когда мы ответим. «Когда», а не «как» — потому что на сообщение из трех слов мы всегда отвечаем двумя словами, четко:

Уже бегу.

Уже бегу.

Уже бегу.

— Уже бегу! — кричу я снизу в ответ на призывы Оуэна, которые заглушают сонное хныканье Фрейи.

Оуэна я застаю с Фрейей на руках, ходящим взад-вперед, помятым, с отпечатком подушки на красной щеке.

— Извини, — Оуэн подавляет зевок. — Попытался укачать ее, но ты же знаешь, какая она, когда есть хочет.

Забираюсь обратно в постель, усаживаюсь, обложившись подушками. Оуэн подает мне Фрейю — возмущенную, покрасневшую. Она поднимает оскорбленный взгляд и с удовлетворенным вздохом припадает к соску. Воцаряется тишина, слышно только, как жадно малышка тянет молоко. Оуэн снова зеваает, проводит рукой по волосам, косится на циферблат, берет трусы.

— Уже собираешься? — В моем голосе удивление.

Оуэн кивает:

14 — Ну да. Какой смысл снова ложиться, если в семь все равно встать? Ненавижу понедельники.

Смотрю на часы. Шесть утра. Я думала, меньше. Потеряла счет времени.

— А кстати, ты-то чего ни свет ни заря вскочила? Мусоровоз разбудил, да?

Я качаю головой:

— Просто не спалось.

Это ложь. Я почти забыла, какова она на вкус, как легко она соскальзывает с языка, как сильно после нее мутит. Тяжелый, теплый от рук телефон лежит в кармане халата, я его чувствую бедром. Жду, когда он завибрирует, принимая сообщение.

— Понятно.

Оуэн подавляет очередной зевок, застегивает рубашку.

— Кофе будешь? Могу и на тебя сварить.

— Да, пожалуйста, — отвечаю я и добавляю: — Оуэн...

Но он успел выйти и меня не слышит. Через десять минут он появляется на пороге с чашкой кофе. Десять минут — достаточное время, чтобы обдумать, что сказать и как это преподнести, и отрепетировать тон необходимой степени беззаботности. И все-таки я вынуждена сначала сглотнуть, затем облизнуть губы, пересохшие от напряжения.

— Оуэн, вчера Кейт прислала мне сообщение.

— Кейт, с которой ты работаешь?

Он ставит чашку несколько резче, чем следовало, немного кофе проливается. Вытираю

лужицу краем халата — чтобы книга не промокла и чтобы выгадать время. 15

— Нет. Кейт Эйтагон, с которой я в одной школе училась.

— А, эта Кейт! Та самая, что на свадьбу с собакой приехала?

— Да. Собаку зовут Верный.

Верный. Белая немецкая овчарка с черной мордой и темными, как сажа, крапинами вдоль хребта. Верный имеет привычку дежурить в дверном проеме, он рычит на чужих, а своим подставляет белоснежное брюхо, чтобы чесали.

— Ты получила сообщение. Что дальше? — напоминает Оуэн.

Выходит, я замолчала, сама того не сознавая. Потеряла нить.

— А, ну да. Кейт приглашает меня в гости. И я подумала: почему нет?

— Действительно. Тебе развеяться не помешает. Когда едешь?

— Вообще-то сейчас. Зачем тянуть?

— А как же Фрейя?

— Она поедет со мной.

Чуть не добавила «разумеется», вовремя спохватилась. Фрейя до сих пор не приемлет никакого питания, кроме материнского молока; а я очень старалась ее перевести, и Оуэн тоже. Помню, меня пригласили на вечеринку — так Фрейя подняла крик в полвосьмого и ни на минуту не умолкала до без двух полночь, когда я ворвалась в квартиру и приняла ее из рук мужа, уставших от бесконечного укачивания.

16 Снова повисает молчание. Фрейя откидывает головку, изучает мое лицо, хмурится, отпрыгивает и возвращается к серьезнейшему из занятий — добыче пропитания. На лбу Оуэна написаны все его мысли: он будет скучать, один, совсем один в постели...

— Тогда я пока займусь ремонтом в детской, — наконец выдавливает Оуэн.

Киваю, хотя Оуэн сейчас поставил точку в давнем споре. Ему хочется, чтобы спальня принадлежала нам двоим, а я — только ему. Он полагает, что полугодовалая Фрейя сможет спать в детской без постоянного присмотра. А я... я не согласна. Отчасти поэтому я до сих пор не нашла времени вынести вещи из гостевой комнаты и покрасить стены в какой-нибудь позитивный, подходящий для младенцев цвет.

— Конечно, — говорю я.

— Значит, решено, — заключает Оуэн и принимается перебирать свои галстуки. Спрашивает, не оборачиваясь: — Тебе машина нужна?

— Нет, на поезде доберусь. Кейт меня встретит.

— Уверена? Ты детские вещи в поезде потащишь? Это неудобно. Посмотри: пойдет?

— Что?

С минуту я не могу понять, о чем Оуэн говорит. Потом соображаю — о галстуке.

— Да, неплохо. Нет, правда, я отлично доеду поездом. Так проще. Если Фрейя проснется, я смогу без проблем ее покормить. А вещи сложу в коляску.

Оуэн не отвечает. Понятно: прокручивает в уме предстоящий день. Я тоже так делала еще

несколько месяцев назад — сейчас кажется, что с тех пор прошла целая жизнь. 17

— Так я бы прямо сегодня поехала. Ты не против?

— Сегодня?

Он берет из комода горсть монет, бросает в карман и подходит к кровати, чтобы поцеловать меня в темечко.

— А к чему такая спешка?

— Нет никакой спешки, — лгу я.

Щеки вспыхивают. Ненавижу лгать. Когда-то считала ложь забавой — до тех пор, пока ложь не стала единственным выбором. Сейчас я редко об этом думаю, может, потому, что мысли о лжи и так съели уйму времени. Но они никуда не делись. Они словно зуб, который то ноет без перерыва, то внезапно начинает болеть.

А самое гадкое — лгать Оуэну. До сих пор мне удавалось его не впутывать, однако теперь и он влип. Теперь и он в паутине. Сообщение Кейт не удалено, и из него будто течет яд, грозя уничтожить все, все вокруг.

— Просто у Кейт сейчас перерыв — один проект закончила, к другому еще не приступила. Не будет отвлекаться. А я... мне через несколько месяцев на работу. Попробуй тогда вырвись.

— Ладно.

Оуэн озадачен, но от подозрений далек.

— В таком случае надо тебя поцеловать по-настоящему, как положено.

И он меня целует — как положено, в губы, чтобы я вспомнила, за что люблю его и почему ненавижу ему лгать. Затем отстраняется, при-

18 жимается губами к лобу Фрейи. Она недоверчиво смотрит на него и на миг перестает сосать, но возобновляет свое занятие с непоколебимой решимостью, от которой меня неизменно накрывает волна обожания.

— И тебя, вампиреныш, я тоже очень люблю, — с чувством говорит Оуэн. Следующая фраза адресована мне: — Сколько туда ехать?

— Часа четыре. Смотря на какой пригородный успею.

— Понятно. Что ж, желаю хорошо провести время. Напиши, как доберешься. Сколько думаешь погостить?

— Несколько дней?

Предположение рискованное, и я добавляю:

— Вернусь к выходным.

Новая ложь. Я не знаю, когда вернусь. Не могу сказать даже приблизительно. Пробуду столько, сколько потребуется Кейт.

— По обстановке, Оуэн.

— Ладно, — повторяет он. — Я тебя люблю.

— И я тебя.

Наконец-то можно ему не лгать.

День знакомства с Кейт я помню до часа, до минуты. Стоял сентябрь. Я ждала ранний поезд до Солтена, хотела приехать в школу к ланчу.

— Можно спросить?

Мой голос, звенящий от напряжения, прозвучал на пустом перроне неожиданно резко. Девчонка, к которой я обращалась, повернула голову. Очень высокая, невероятно красивая, с вытянутым, слегка надменным лицом, она будто сошла с полотна Модильяни. Черные волосы, вызолоченные на кончиках, спускались до самой талии, на джинсах красовались дыры выше колен.

— Спрашивай, — разрешила она.

— Этот поезд идет в Солтен? — выдохнула я.

Последовал оценивающий взгляд, выбрал в себя солтенскую школьную форму — темно-синюю, хрустящую от новизны, юбку, блейзер без единого пятнышка, лишь утром впервые снятый с «плечиков».

20 — А я откуда знаю? — ответила красавица вопросом на вопрос и обратилась к своей подруге: — Кейт, это солтенский поезд?

— Хорош выпендриваться, Тея, — хрипло сказала та, которую назвали Кейт.

Голос не сочетался с внешним видом — ей было лет шестнадцать, от силы семнадцать, а по голосу казалось гораздо больше. Светло-каштановые волосы, подстриженные очень коротко, обрамляли смуглое лицо с веснушками цвета мускатного ореха — от улыбки в мой адрес эти веснушки так и запрыгали на носу. Кейт продолжила:

— Да, это солтенский поезд. Главное — сесть в нужный вагон, а то на Гемптон-Ли полпоезда отцепят.

Обе развернулись и пошли прочь, успев удалиться на приличное расстояние, когда я спохватилась — я же не спросила, какую именно половину поезда отцепляют.

Взгляд бегаёт по доске объявлений. «Пассажирам, следующим до Солтена, надлежит занимать места в первых семи вагонах». Но откуда они считаются? Которые семь — первые? Те, что ближе к пункту контроля, или те, что будут первыми по ходу движения? Как назло, поблизости не было ни одного человека в железнодорожной форме, а до отправления, судя по вокзальным часам, оставались считанные минуты. Я решила бежать к дальнему концу поезда, вслед за этими девчонками. С трудом втащила по лесенке свой здоровенный чемодан, оказалась в купе. Шесть мест, все свободные.